

Вэнь Цзыцянь чувствовал себя плохо и лёжа, и сидя. Он мог только полулежать, держась за живот и тяжело дыша.

— В истории, наверное, я первый человек, который умрёт от того, что не смог сходить в туалет...

Он усмехнулся, увеличив давление на живот, и от боли коротко вскрикнул:

— Ай...

Шутка была холодной, но в комнате никто не засмеялся.

Цинь Цан посмотрел на Се Бо и спросил:

— Что делать?

Се Бо тоже нервничал, у него даже появилась язва во рту.

— Если ничего не поможет, придётся делать катетеризацию.

— Но разве это не ухудшит состояние уретры? — с беспокойством спросил Цинь Цан.

Се Бо нахмурился:

— Лучше так, чем умереть от задержки мочи. Мы ждали целый день и ночь, но он сам, похоже, не сможет.

Вэнь Цзыцянь, бледный и измождённый, но с внешним спокойствием, сказал:

— Вставляйте, я выдержу.

Се Бо, раздражённый его безразличием к собственному здоровью, не удержался:

— Ты действительно готов к смерти, товарищ.

Вэнь Цзыцянь не был в настроении шутить. Он тяжело дышал, держась за живот, и попытался слегка надавить, чтобы стимулировать мочеиспускание, но едва коснувшись, почувствовал, как его тело содрогнулось от боли. Он с грустью подумал: «Моя жизнь всегда была полна трудностей, но я никогда не верил в судьбу, я сам управляю своей жизнью... Но на этот раз... неужели я действительно умру из-за того, что не смог сходить в туалет?»

Цинь Цан задумался, затем внезапно поднял голову и сказал Се Бо:

— Доктор Се, выйдите на минутку, я попробую что-то сделать.

Когда Се Бо ушёл, он закрыл дверь на замок, задернул шторы, сел на кровать и открыл одеяло, обнажив обожжённые ноги.

...

Когда Се Бо вернулся, он услышал хорошие новости и с облегчением вздохнул. Улыбаясь, он спросил Цинь Цана, который сидел рядом и чистил яблоко:

— Как ты это сделал?

Цинь Цан, ловко орудуя ножом, снимал тонкую кожуру с яблока. Не поднимая головы, спокойно ответил:

— У меня есть свои методы.

Се Бо с любопытством спросил:

— Какие методы? Расскажи, если они эффективны, я могу их использовать для лечения других пациентов.

— Кхм-кхм... — Вэнь Цзыцянь закашлялся, его лицо, только что восстановившее цвет, снова покраснело. Он вспомнил свои крики и почувствовал себя неловко, нахмурился и недовольно сказал:

— Доктор Се, у вас больше нет других пациентов? Почему вы всё время приходите ко мне? Если вы продолжите, я подам на вас жалобу.

Он отвернулся к окну, рука непроизвольно легла на ногу, он терпел боль в нижней части тела.

Се Бо, получив холодный приём, растерянно посмотрел на Цинь Цана и беззвучно спросил:

— Что случилось?

Цинь Цан положил яблоко, сел у изголовья кровати, опустил руки под одеяло и начал массировать слегка атрофированные ноги Вэнь Цзыцяня, которые действительно слегка подёргивались. Он поднял глаза и увидел красное лицо Вэнь Цзыцяня, его уши тоже покраснели. Цинь Цан сдержал смех и беззвучно ответил:

— Смущается.

Доктор Се, выходя из комнаты, недоумевал: «Что такого в том, что он сходил в туалет? Почему он смущается?»

Когда Цинь Цан снова увидел Мо Цзая, он уже не мог узнать его по внешности.

Мо Цзай, весь в крови, лежал на полу. Увидев Цинь Цана, пополз к нему и, обняв его ногу, закричал:

— Господин Цинь, я ошибся... я больше не буду...

Цинь Цан оттолкнул его ногой и, глядя сверху вниз, сказал:

— Всё ещё не говоришь?

Мо Цзай, дрожа от страха, ответил:

— Я не могу сказать... господин Цинь... если скажу, меня убьют...

Цинь Цан усмехнулся:

— Думаешь, если не скажешь, останешься жив?

Мо Цзай был молод и худ, его лицо было избито, и он выглядел жалко. Он попытался встать, но только свернулся на полу и, кланяясь Цинь Цану, сказал:

— Господин Цинь, у меня дома тяжело больная мать... мне действительно нужны деньги... пожалуйста, пощадите меня... дайте мне шанс.

Цинь Цан подошёл к нему, поднял его лицо носком ботинка и мрачно сказал:

— Правила есть правила, если нарушить одно, разрушится всё. Ты можешь не говорить, я уважаю твою стойкость. Я знаю, что твоя мать больна, и как старший брат я не стану уничтожать тебя полностью. Я оставлю тебе жизнь, но по правилам ты оставишь правую руку и уедешь из города Б.

Мо Цзай содрогнулся. Кто-то подошёл, схватил его за плечи и поставил на ноги, затем прижал его руку к каменной плите.

Плита была покрыта пятнами крови и казалась ледяной.

Мо Цзай увидел, как кто-то достал топор. Он начал вырываться, издавая пронзительные крики, его ноги судорожно дёргались. Его руку крепко держали, тело не могло двигаться. Звук топора, волочащегося по полу, вызывал ужас, и он, дрожа всем телом, кричал изменённым голосом.

— Это господин Ду... это его товар...

Цинь Цан прищурился, перекатывая это имя на языке:

— Ду Фэй!

Линь Фэн подошёл и шепнул ему на ухо:

— Что делать?

Ду Фэй был известной фигурой в их кругах, раньше он часто бывал в «Мэйсэ», и все относились друг к другу с уважением. Но в последние годы он разбогател, стал слишком самоуверенным и открыл несколько крупных ночных клубов в западном районе, пытаясь отхватить часть территории у Цинь Цана.

Цинь Цан ненавидел Ду Фэя из-за истории с Вэнь Цзыи. Если бы не Ду Фэй, который уговорил Вэнь Цзыи принимать наркотики, не было бы ссоры между братьями. Вэнь Цзыцян не попал бы в аварию и не остался бы инвалидом.

Но с нынешним положением Ду Фэя, без весомых доказательств его нельзя было просто так наказать.

Цинь Цан усмехнулся — наконец-то он попался.

— Правила нельзя нарушать, накажи его!

Линь Фэн снова спросил:

— Что делать с Мо Цзаем?

Цинь Цан ответил:

— Дай ему денег, пусть уезжает с матерью из города Б, и чтобы я его больше не видел!

Мо Цзя вытащили. Цинь Цан стоял у окна и курил. Когда Линь Фэн вошёл, он увидел, что Цинь Цан хмурится, его лицо скрыто в дыму.

— Маленький Цинь, сейчас у Ду Фэя большая сила, если мы разгромим его заведения, я боюсь...

Цинь Цан потушил сигарету, бросил её на пол и сказал:

— Действуй. Я не выношу его уже много лет, сведи все счёты, нужно преподать ему урок.

Линь Фэн, видя его решимость, ответил:

— Хорошо, как скажешь, так и сделаем!

Вэнь Цзысюань, узнав, что Вэнь Цзыцянь попал в больницу, поспешила туда.

Вэнь Цзыцянь за последнее время стал частым гостем в больнице, лежание измучило его, и настроение было не из лучших. Вэнь Цзысюань сидела рядом с кроватью, мрачная и печальная, что только усиливало его раздражение.

— Со мной всё в порядке, возвращайся домой, — сказал Вэнь Цзыцянь.

Вэнь Цзысюань молча покачала головой, взяла яблоко, очистила его, разрешила пополам и протянула Вэнь Цзыцяню.

У Вэнь Цзыцяня была капельница в левой руке, поэтому он мог взять яблоко только правой. После трёх дней лихорадки его кости стали как вата, он откусил кусочек, и яблоко упало на кровать.

Вэнь Цзысюань подняла его и, протягивая, заметила, как его правая рука дрожит, и яблоко вот-вот выпадет. Она подняла глаза на бледное лицо Вэнь Цзыцяня, и её сдерживаемые эмоции прорвались, слёзы хлынули из её глаз.

— Прости... прости...

Она сдерживала рыдания, которые превращались в горловые спазмы. Она не знала, что сказать, только повторяла «прости».

Вэнь Цзыцянь медленно прожевал яблоко, а она всё ещё не могла остановить слёзы. Даже его каменное сердце растаяло от этих горьких рыданий.

— Эх... ты всё такая же, как в детстве, любишь плакать... какое это имеет отношение к тебе? За что ты извиняешься?

Вэнь Цзысюань, со слезами на глазах, подняла голову и с горечью сказала:

— Как это не имеет отношения ко мне? Это моя мама... ты мой брат... наша семья... как мы дошли до такого...

Вэнь Цзыцянь посмотрел на неё, и перед его глазами возник образ её в детстве, когда она тайком приносила ему еду — кусочек сплющенного пирожного, который он осторожно пробовал, и его сердце наполнялось счастьем.

— Да... наша семья...

<http://bllate.org/book/16224/1457505>